

Крестцы

Два мужика затрапезного вида на въезде в Крестцы продавали прялку. От самой Москвы не видел я товара более оригинального и неожиданного. Кто сейчас знает, что такое прялка? Кто вообще её видел? Разве что в краеведческом музее, и то не во всяком. Прялка – это большое деревянное колесо, прикрепленное своей осью к специальной раме и приводящееся в движение равномерным нажатием ногой на специальную педаль. Это колесо связано передаточной веревкой с еще одним колесом, гораздо меньшим, и вот уже от этого второго колеса наматывается нить, через что-то там еще пропускается, и в итоге из овечьей или какой иной шерсти получается клубок ниток, готовый к вязанию чего-то теплого и хорошего. Кажется, так? Но кроме этого, ценность прялки в том, что можно вот так запросто, ногой, крутить это самое колесо. И попадись такой агрегат в детстве, он произвел бы впечатление большее, чем швейная машинка или перевернутый вверх колесами велосипед.

Прялке, стоявшей на обочине дороги, по словам торговцев, было не меньше семидесяти лет. Но выглядела она как новая.

После того как, поощряемый одобрительными репликами крестецких мужиков, я несколько минут восторженно крутил колесо, стало ясно, что без прялки я уже жить не смогу. Встал вопрос о цене.

– Пятьдесят долларов, – сказал один.

– Триста пятьдесят тысяч рублей, – назвал цену другой.

– Есть, между прочим, разница, долларов этак в двадцать, – сказал я и спросил, многие ли приценивались.

– Некоторые останавливаются. Подходят, покрутят и едут дальше, – ответили мужики.

Будучи тонким психологом, я заметил, что они синие от холода и при том совершенно трезвые, поэтому предложил им двести пятьдесят тысяч и ни рубля больше. Мужики стали совещаться.

– Да ты чего? Меня ведь жинка прибьет за двести пятьдесят, – сказал тот, который оценил прялку в пятьдесят долларов. – Дай, хоть триста.

– Нет, – говорю, – за триста прибьют меня. И так не знаю, как эта штука впишется в интерьер. Двести пятьдесят и все, – сказал я, давая понять, что собираюсь уходить.

После этого другой мужик, у которого, видимо, всё в порядке с логикой, сказал первому:

– Если не продашь прялку и не принесешь денег, тоже прибьет.

– Верно, – ответил первый и, махнув рукой, согласился.

Так старинная прялка оказалась на заднем сидении моей машины и кочевала дальше вместе со мной...

Пользуясь случайным знакомством, я спросил у мужиков, нет ли чего-нибудь у них в Крестцах интересного?

– У нас в Крестцах все интересное, – ответил один.

– Откуда здесь может быть «интересное»? – сказал другой. – Это в Москве «интересное», в Питере...

– Может, какие-то события произошли или истории? – уточнил я вопрос. – Может, люди есть необычные? С кем посоветуете встретиться?

– С кем встретиться? Гм... С кем встретиться... А с кем здесь встречаться? Тут и встречаться-то не с кем, – ответил, как мог, второй мужик.

В это время первый мужик, обращаясь ко второму, смеясь, говорит:

– А может, ему (*то есть мне – авт.*) с твоей докторшей встретиться?

После этого между мужиками произошла странная шутливая перепалка, с подначками и намеками, суть которой я не понял и потому изложить её на бумаге не могу. Я понял только, что один из этих мужиков, видимо, какое-то время работал в больнице, и его оттуда выперла главный врач – эта самая «докторша». Причем выперла с шумом, потому что это вызывало у второго мужика смех до слез. Короче, я понял, что других «интересных» персон в Крестцах на моем пути не предвидится, и поэтому спросил, как найти эту «докторшу»?

– А ты езжай в центр, спроси, и тебе каждый покажет поликлинику. А там спроси Марину Андреевну, – объяснили мужики, один из которых продолжал со страшным кашлем и слезами на глазах смеяться...

Поблагодарив мужиков, я направился в Крестцы.

Так началось мое первое знакомство со старинным селением, расположенным на берегах реки Холовы и стоящим на перекрестке древних дорог. От этого пересечения и название, и символ на гербе: на зеленом фоне – две скрещивающиеся дороги.

Поневоле уделяя в нашем «путешествии» много внимания женщинам, мы отмечали, что в наше время именно они взвалили на себя все трудности жизни, не задумываясь, стоит это делать или нет. Мужчинам в этом священнодействии отводится роль третьестепенная, если вообще отводится. Говорят, что сила женщины в ее слабости. Чуть полная, придуманная холеными столичными ловеласами для охмурения соблазняемых ими дур. Сила женщины – в её ловкости, находчивости, выносливости, наконец, в её... силе. И кто хотя бы раз

встречался с главным врачом крестецкой районной поликлиники, подтвердят неоспоримую правильность этой формулы.

Марина Андреевна вобрала в себя все, что только может соединить человек, умножила это примерно на сто, а полученный результат продолжает увеличивать. Её энергии может позавидовать футбольная команда высшей лиги, а уверенности – легион тореадоров. «Нет такого – *не могу*, есть – *не хочу!*» – вот девиз Марины Андреевны, и не только девиз. Это еще и приговор всем, кто находится рядом и не поспевает за нею. А кто рядом? Рядом с Мариной Андреевной ее главная опора – те же крестецкие работающие женщины: врачи, медсестры, лаборантки, технички; да еще немощные мужикашки – этот недееспособный элемент, почти недоразумение, который единственное, что может, – стоять «на подхвате». «Ну, хоть шерсти клок...» – со вздохом говорит про них Марина Андреевна.

«Вор должен сидеть в тюрьме!» – утверждал майор Жеглов.

«Врач не должен позволять людям болеть!» – считает Марина Андреевна, и пять лет назад с этим доводом согласился вновь назначенный районный начальник, приглашая её стать главным врачом. С тех пор главврач и глава администрации работают вместе. Прежде всего они построили новую поликлинику. От начала – до конца. Кто знает, что такое построить в наше время поликлинику в таком вот поселке? Культура отечественного строительства такова, что в героях (или жертвах) не тот, кто строит, а кому строят. В нем весь вопрос. Надо уметь выбивать, просить, уламывать, покупать, угрожать, блефовать и, конечно же, каждый день, час и даже минуту – за всем (и всеми!) следить. Словом, надо пройти все круги ада, чтобы наконец строительство, хотя бы в какой-то своей части, завершилось. А потом надо набирать штаты, готовить квалифицированных сотрудников, формировать команду, составлять программу здравоохранения в районе и вместе с тем, учитывая, кто строил, – надо все самостоятельно достраивать, устранять неполадки, поддерживать работоспособность – и так без конца... Мне рассказывали, что Марина Андреевна первое время нерадивых работников – пьяниц, прогульщиков и дебоширов – просто лупила. (Вот почему, продавая прялку, один из мужиков до слез

смеялся над другим?) Словом, главный районный врач должен уметь в наше время очень многое, если не все.

Марина Андреевна добилась того, что у поликлиники хороший автомобильный парк, автономные электростанция и газовая котельная. Поликлиника оснащена переносной и стационарной УЗИ, японским фиброгастроскопом. Сейчас здесь идет полным ходом строительство еще чего-то значительного, потому что вокруг копают экскаваторы, гудят трактора и что-то возводят строители, а сама Марина Андреевна за всем этим следит непрестанно, без всякой для сачков надежды, что она когда-нибудь устанет.

Главному врачу – сорок три года, она черноглазая, черноволосая, с короткой мальчишеской стрижкой, высокая и крупная, её голос громкий, скорый и отчетливый. По всему видно, что Марина Андреевна не привыкла не только к возражениям, но и к диалогу, который из-за страшной занятости – просто ни к чему. Ее движения быстры, команды сотрудникам ясны и конкретны, словно диагноз, походка скорая и уверенная, и, когда в конце нашей беседы Марина Андреевна показывала мне свое хозяйство, я едва поспевал за нею. Так когда-то сонное окружение не поспевало за Петром Великим.

Родилась Марина Андреевна в советской Киргизии, в городе Желал-Абаде, и уже с детства мечтала стать врачом. Тогда же у нее проявились командирские качества. Она – единственная дочь у родителей и сейчас живет вдвоем со своей мамой, Линой Федоровной, которой обязана воспитанием. В Крестцах она уже тринадцать лет, а попала сюда, после того как закончила мединститут и интернатуру. До своего назначения Марина Андреевна работала хирургом.

О! Можно представить, какие она делала операции. Чуть что – немедленно укладывала больного на операционный стол, безо всякой анестезии разрезала его пополам, потом скальпелем, ножом или чем-нибудь другим, попавшим под руку, вычищала болезнь, затем быстро зашивала обратно, встряхивала и выставляла, уже здорового, за дверь. Сама же громко командовала: «Следующий!» Ну, а дальше, как мы уже знаем, ей была предложена должность главврача.

И вот, мы у нее в кабинете, и речь сама собою зашла об особой роли женщин. Естественно, что на едва заданный вопрос у Марины Андреевны уже давно имеется ответ.

– Ну почему «только женщины»? Есть еще всё-таки, один, два, три мужчины... Наш глава администрации, например. Хотя, заниматься хозяйственной работой должны, конечно, женщины. Вот у меня заместитель. Хороший человек, прекрасный семьянин, и все в нем хорошо, кроме одного – он мужчина. У него и понимание всех задач чисто мужское. «Зачем, говорит он, нужно окультуривать поликлинику? Пусть такая, какая есть, и будет. Зачем нужна дополнительная лампочка? Зачем, говорит, нашим роженицам в родильном отделении нужны ночные рубашки в цветочек?»... Он закупил мне какую-то синюю робу и рад, что выполнил задание. А как и, главное, кого в такой робе будут рожать? Это его, мужика, уже не волнует... Понимаете? Женщина должна сейчас все возглавлять. Не только в больнице. А в подчинении у нее должны быть мужики, которые привезут трубы, поднимут тяжести, выкопают канаву и так далее... А почему это вы обеспокоены такой тенденцией?

– Да просто это факт для меня неожиданный, – ответил я.

– Это хороший факт. Если в правительстве будет больше женщин, там будет меньше трепы и больше дел. Женщина – хранительница очага. В каждой семье она руководит хозяйством. Ходит на полусогнутых, встает к корыту, плите, кастрюле, готовит, убирает, моет... Она знает: что надо сделать сегодня, что завтра, а что послезавтра... Понимаете? И вот это домашнее отношение она привносит в свою работу. Есть, конечно, и среди женщин дряни... У всех есть свои уроды, и среди мужчин есть, и среди, так сказать, животного мира...

Далее я высказал Марине Андреевне обеспокоенность тем, что представляют собою мужчины, которых я видел по пути. Они или представляют собой бесформенную размазню, или подаются в бандиты. И в этом случае – не известно, что хуже...

– Не знаю, что такое сейчас бандит. Я видела этих бандитов, и один представитель мафии произвел на меня отличное впечатление. Он чистейший, на него приятно посмотреть, на нем золотая цепь, с

палец толщиной, белейшая рубашка, ботинки красивейшие... Был прием, налили по пять граммов коньяка, так он не выпил даже капли.

– А вас не смутило, если бы вы узнали происхождение денег, на которые куплены все эти наряды? – спросил я.

– Меня смущают больше дела нашего правительства, бездеятельность парламента и разборки по телевизору. Один треп, грубо говоря, – ответила очень сурово Марина Андреевна.

– Что касается правительства, если вы за ним наблюдаете, как можете его оценить? – задал я вопрос ближе к политике.

– Я лучше буду говорить о своих проблемах. Мне претит, когда мужики, стоящие у власти, как худые бабы, устраивают разборки на весь мир. Противно на это смотреть и как женщине, и как руководителю, и просто как жителю страны. Надоели они мне!

Тогда я попросил Марину Андреевну рассказать о Крестцах.

– Я увидела Крестцы тринадцать лет назад, и они произвели на меня ужасное впечатление. Грязь, расхристанная больница, ужасно! И вот, с приходом нового главы, Крестцы начали возрождаться. Район зазвучал среди остальных двадцати. Пенсии – Крестцы на первом месте по срокам выплаты; больница – одна из лучших в области; коммунальное хозяйство – второе, после Новгорода. А был ведь совсем разрушенный поселок. Конечно, и у нас есть недовольные. У нас, русского народа, есть такая черта: сколько ни делай хорошего, сколько ни давай – все равно будет плохо и мало. Понимаете?

– У нас есть и другая крайность, – заметил я. – Сколько ни отнимай у нас, сколько ни делай нам худого, хоть убивай – все равно будем терпеть, и даже ропота от нас не услышишь.

– Я была в Америке, в штате Колорадо, – продолжала тему Марина Андреевна. – Почему-то их не надо уговаривать прийти на работу вовремя, не надо убеждать качественно работать. Понимаете? А я наших без конца долбаю за то, что они пусть на пять минут, но обязательно опоздают. На полчаса, но обязательно раньше уйдут. Понимаете? Вот из таких мелочей и складывается наше неблагополучие. Отсюда и элементы командно-административной системы в моем управлении.

– То есть, они будут приходить вовремя и добросовестно работать, лишь когда будет Сталин или нечто в этом роде? – поймал я Марину Андреевну.

– Ну, зачем Сталин? Вода камень точит. Потихонечку, полегонечку... Мои все ждут, пока я успокоюсь, смирюсь, пока мне надоест или я на все плюну. Нет, говорю им, ошибаетесь. Я, наоборот, становлюсь еще злее и упрямее, – Марина Андреевна при этих словах лукаво заулыбалась.

Я рассказал о проблеме, на которую обратил внимание офицер в клинском военкомате: остановка предприятий привела к тому, что молодежь не видит смысла заниматься обретением профессии, которая все равно не приносит дохода, и занимается примитивной «добычей денег». Это может привести к тому, что через пятнадцать-двадцать лет, когда сегодняшние двадцатилетние подрастут, наше общество будет просто диким. Я спросил, что думает по этому поводу главный врач.

– Пройдет еще много лет, пока нашему народу не нужна будет палка. Все равно здесь нужен царь, генсек, президент... – не важно, как он называется. Обязательно в этом, грубо говоря, стаде должен быть вожак, которого они слушаются, за которым идут и который думает, как эту паству накормить, что сделать, чтобы заводы работали, чтобы люди не извозом занимались, а достойным ремеслом и хорошо за это получали. Вы говорите – «стоят заводы». А кто в руководстве этими заводами? Люди, которые никаких проблем никогда не решали и сейчас не знают, как их решать. Их всех надо менять.

– Да на кого их менять? И, главное, кто будет менять?

– У нас сто пятьдесят миллионов народу. Неужели нельзя найти человека, который бы работал? Да я не поверю. У нас в больнице были пьяницы... Я их всех повыкидывала и сказала: «Одна останусь, но из шестнадцати тысяч жителей Крестец – найду одного толкового водителя»... У нас есть профтехучилище. Там испокон веков готовят шоферов, электриков, трактористов, бульдозеристов, которые уже здесь никому не нужны. Понимаете? Так вот, если они, как бараны, уперлись, то должен же кто-нибудь их направить в другое место, чтобы им дать возможность получить нужную специальность. Поэтому наш глава заключил договор с новгородским университетом, и у нас будет

колледж. Там будут готовить не шоферов и электриков, а печников и плиточников, потому что у нас в Крестцах девяносто восемь процентов печного отопления. Кроме этого, в университете уже второй год готовят тех, кто нужен городу: юристов, экономистов, менеджеров. Понимаете? Нам профессионалы нужны. Вот у нас бригада из Львова восстановила церковь за четыре месяца! А наше РСУ стоит и будет стоять, потому что я сказала: «В радиусе пятидесяти километров не будет никого из этой конторы». Они нам запороли поликлинику... За что бы они ни взялись, эти русские мужики, они все через пень-колоду делают. Скажите, кто им не дает хорошо работать? Кто мешает держать марку? Им выбили и деньги на достройку, и материалы – а что они сделали? Ничего! Крыша течет, канализация течет. Я после них уже наполовину перестроила поликлинику сама, из ничего. Вот так наши мужики работают.

Я попросил Марину Андреевну рассказать о себе.

– А что мне о себе рассказывать? Меня всю жизнь грызли за мой язык. Тут недавно собрал наш глава бывших руководителей Крестец. И вот бывший первый секретарь выступал и говорил, что, мол, всегда знал, что Марина Андреевна должна быть главным врачом. А кто не давал развернуться Марине Андреевне? Кто развалил больницу?

– Да расскажите о себе, а не о больнице, – настаивал я.

– Но моя работа – это моя жизнь и есть. Я хочу, чтобы наша больница была лучшей. Так меня мама воспитала. Я работаю по двадцать пять часов в сутки и хочу, чтобы и остальные так работали. Многие меня за это не любят. У нас профессия такая – мы живем для людей. Ведь с того света не возвращаются. И каждая наша недоработка – это смерть больного. Может, это звучит громко, но такая моя позиция. И я буду, пока живая, тянуть эту лямку... В корпусе, который является путевым дворцом Екатерины, у нас операционная, и я хочу настелить там мраморный пол. Купила мрамор. И вот приходит ко мне проверяющая и пишет в рекламации – «необоснованные траты». Понимаете? Кто определяет?! Финансист, который ни бе ни ме ни кукареку в этом вопросе, или главный врач, который считает, что в операционной должен быть мраморный пол? Надо запастись продуктами для больных – я поехала в Новгород, на оптовый рынок,

купила шесть мешков крупы, три мешка сахара, бочку подсолнечного масла – все! У меня вопрос на несколько месяцев решен. А у нас это называется «нарушением финансовой дисциплины»...

– Марина Андреевна, а какой народ в Крестцах? Какие они к вам приходят лечиться?

– Народ неплохой, трудолюбивый. Но они все запущенные, больные, многие растерянные. Зато почти у всех звучит иждивенческая жилка: «Должны!», «Обязаны!», «Льготы!»... А как это все им обеспечить? как это все добывается? какие имеются для этого финансовые основания? – это никого не волнует. «Дай!» – и все!..

Я всё же постарался вывести Марину Андреевну из административного состояния и спросил:

– Представьте, что вам попался в жизни сильный мужчина, который бы стал для вас защитником, авторитетом, который оказался бы сильнее вас...

– Трудно представить. Думаю, на моем пути такого не будет.

– Но, все-таки. Что было бы в этом случае?

– Думаю, что я бы его быстро задавила. А может, была бы отличнейшая пара. Он такой волевой, умный... (Я едва уловил на лице Марины Андреевны очертания романтической озорной девушки, но она тут же пришла в себя.) Я не считаю, что мужчина должен быть красивый. Мне все равно, какой он ростом. Хоть метр пятьдесят. Но такое представление пришло с годами. Мужчина должен быть умным, мудрым и непьющим. Для меня пьющий человек – это не человек.

– А вас не мучит то, что у вас нет нормальной семьи, детей?

– Нет, не мучит. Такая моя судьба. Меня оберегает моя бабушка, так я свою маму зову. Мы вместе и живем. Это мой главный авторитет. Я без нее даже не покупаю себе ничего. Только посоветовавшись с нею. Она у меня мудрая...

Здесь я хочу предостеречь от выводов, будто главный крестецкий врач, кроме своей работы, больше ничего не знает и ничем не интересуется. Да, среда наша вытравит утонченность из кого угодно. Но вот Марина Андреевна прекрасно разбирается в классической музыке, в литературе, хорошо знает архитектуру (например, сразу же назвала имя архитектора, спроектировавшего хотиловский храм!). Она

очень любит Пушкина и поддерживает отношения с известными пушкиноведами. Как-то она заказала многочасовую экскурсию по пушкинским местам, посадила сотрудников в автобус и таким добровольно-принудительным способом приучала свой коллектив к высокому искусству. Все были сначала недовольны, а после благодарили Марину Андреевну. Может, так с нами и надо? Кто знает?

– Что же надо делать, чтобы возродилась страна?

– Работать надо! Не в примитивном понимании, не только руками, но и головой. Вот у нас никогда нет денег, а я все равно строю, строю, строю... На зарплату денег не дали – я пошла в банк, взяла ссуду. Знаю, что дадут по балде за это, но я все равно так делаю, и еще раз сделаю. Вот я открываю аптечный киоск. Денег нет? Возьму ссуду, закуплю товар и буду продавать без сумасшедших накруток. Пусть люди покупают лекарства и не болеют, потому что, когда они к нам поступают в разваленном виде – это гораздо большие затраты для нас. Вот резко вниз пошла рождаемость. Собрались, стали думать, как защитить беременную женщину, чтобы она своего ребенка родила и вырастила. Придумали. У нас беременные из сел на приём ездят бесплатно. Им раз в месяц выдают соки, продуктовые наборы, молоко, медикаменты. Вступающие в брак за первого ребенка получают миллион рублей. И даже это дало результат. У нас в 1995 году родилось 166 детей, а в этом – только за полгода столько же. Понимаете?

Наш разговор сопровождал постоянный треск телефона и факса, и прерывался визитами сотрудников, во время которых Марина Андреевна отдавала самые разные приказы, распоряжения, советы и рекомендации. За это время она подписала множество разных документов, просмотрела массу бумаг и финансовых отчетов.

Закончив нашу беседу, она повела меня осматривать поликлинику. Мы прошли по всем этажам и спустились в подвал, где только что завершена подготовка к открытию аптеки. Я увидел, как сотрудники, несмотря на суровость и строгость, любят своего начальника, чувствуют себя защищенными и уверенными рядом с нею. Что же может быть сегодня ценнее?

– Из сырого и непригодного подвала мы оборудовали аптеку, с лабораториями, хранилищами, складами, привлекли

профессионалов, создали несколько рабочих мест, будем торговать лекарствами. А всё почему? Потому что надо уметь работать! Пока народ не начнет работать – ничего не будет. Ни Ельцин, ни Явлинский, ни Клинтон, ни царь, ни Бог, никто здесь ничего не сдвинет.

– А если не начнет?

– Значит, будут тянуть лямку такие люди, которые это стадо все за собой тащат. Так всегда и было. Найдутся еще такие марины андреевны, еще такой глава, как у нас, еще кто-нибудь – и будем тащить это все... Понимаете? Вода камень точит.

Понимаю, Марина Андреевна, но как быть с другой нашей мудростью: «Под лежащий камень вода не течет»?

Можно что угодно думать о главном враче Крестецкой поликлиники, о ее методах и принципах, словах и выражениях, можно иронизировать и тихо радоваться, что она врач, а не прокурор... Главное – она делает добро. Лечит людей в небольшом районе. Более того, организует это лечение, а значит, организует жизнь. Ее модель сформирована не передовой управленческой технологией, не ориентацией на сиюминутную выгоду, а естественной средой: жителями поселка и близлежащих сел и всем тем окружающим миром, который именуется Россией. Кто может поставить ей это в упрек? Кто имеет право сказать: «Так нельзя. Надо иначе»?

Иной раз остановишься, посмотришь по сторонам: на чем всё держится? И слышишь такие же удивленные вопросы со всех сторон: на чём держится Россия? За счет чего? Уже все, кажется, промотали...

И впрямь, поразительно! Что бы у нас ни происходило, сколько бы ни уничтожали нас, ни завоевывали, ни грабили, сколько бы мы сами ни разворовывали, какие бы опыты над собой ни ставили, в какую бы ложь себя ни загоняли и на какого бы черта ни молились – всё держится матушка-Россия. Не спеша, нехотя, со скрипом, но все крутится, крутится, крутится наше огромное, неподъемное колесо: годами, десятилетиями, веками... И не ясно, то ли это наши марины андреевны, словно одержимые белки, вращают его, то ли сам Господь Бог нами забавляется, как малое дитя прялкой на обочине большой дороги?

*«Когда над полем зеленеет
Стеклянный вечер, след зари,
И небо, бледное вдали,
Вблизи задумчиво синееет,
Когда широкая зола
Угасшего кострища
Над входом в звездное кладбище
Огня ворота возвела, –
Тогда на белую свечу,
Мчась по текучему лучу,
Летит без воли мотылек.
Он грудью пламени коснется,
В волне огнистой окунется,
Гляди, гляди, и мертвый лег».*

Недалеко от Крестец, к северо-востоку, в деревне Ручьи, похоронен Велимир Хлебников.